

ВИКТОР СТРЕЛЕЦ

МОЛЧАНИЕ КАМНЯ

Тольятти 2010

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 5
ISBN - 85234-126-0

Виктор Стрелец. «МОЛЧАНИЕ КАМНЯ». –
Тольятти, Литературное агентство В. Смирнова,
2010. – 64с.

«Молчание камня» – четвёртая книга члена Союза
русских писателей, поэта Виктора Стрельца. В книгу
вошли стихотворения последних лет.

© В. Стрелец, 2010
© Литературное агентство В. Смирнова, 2010

(на мотив Экклезиаста)

...Всё больше молчанья да зренья.
И вроде бы есть возраженья.
Но всё – суета сует.
Мелите своё, Емели,
с трибун, коли ваши недели...
Ах, словно поправка – свет

закатный в лицо – дальней зорькой...
Болезнь моя – дальноркость.
Не глас – очарованный глаз –
(...зрак... злак...) сиротливое око...
Всему своё время у Бога.
...Я слушаю, слушаю вас...

*...Белизна снегов гагачьих
Из вагонного окна...
Осип Мандельштам*

...Мог жизнь просвистать скворцом – пьян и сыт,
и довольный нос в табаке.
Кто тянул тебя, дурак, за язык,
хоть вертелось на языке?

В воздухе было да в головах,
оставалось одно: облечь
ему – не кому-то другому, ах –
в площадную русскую речь.

Вылетело словоневоробей,
написанное пером –
его не вырубить. Оробел
поэт перед топором.

Обрели зловещие вещи слова
названий своих, имён...
А мог бы бочком как-нибудь, чтоб лафа,
но дело идёт о нём.

Дело за номером 41
08. Глотай же сейчас –
рыбий мех телогрейки убитых равнин,
ужас «марушь», «параш».

Тянет поэзия за язык
поэта – как ни крути –
зовом Судьбы – на конвойный зык,
на Дантовые круги.

Слово положено произнести,
смысл обнажить дано,
всё остальное – опричь, окрест,
зарешеченное окно...

Всё остальное – казённый дом.
Язык – и ясак, смерд...
Разорвано сердце на синий звон –
его не унизила смерть...

Когда для смертного умолкнет шумный день...

А.С. Пушкин

...В компании собственной тени.
Копание, страхи, смятенье...
Бывала не душой губа.
Невидяще взгляд растарашен.
Листок – точно счёт ресторанный.
И – официантка-судьба...

Иванову

...Мой лирический герой
по лесу гулял с пилой,
от работы в доску пьяный,
как от крови скотобой.

Вечером... да что травить
душу – водка на троих.
Бутерброд и сок томатный –
помнишь, Коля? – чтоб запить.

Танцплощадки клубный рай,
средоточье Люб и Рай,
Ободзинский правит балом,
кого любишь, выбирай...

Радио поёт с утра,
мол – за пилы, трактора...
Был он грубым лесорубом
там, где речка Кочкара.

Так кручёно зелена
да прозрачно ледяна,
как стиральная машина,
мыльно пенится она.

...Он хранил один секрет
робкий: вроде бы – поэт,
и когда другие спали,
оставался тет-а-тет

с небом... Дуб матёрый пах
пряно, словно женский пах.
Было жутко и тоскливо,
как остаться на бобах.

Мирозданья эта власть,
закипанье злое глаз,
то ль оглядка, то ль молитва,
да куренье в звёзды всласть...

...Ещё не свистнул рак
в углу своём укромном.
И дачным пахнет так
в автобусе укропом.

Ещё и конь не ржал
и не валялся шальйй.
Ещё за свой базар
базар не отвечает.

Сменить квартирный мрак
на солнечные ласки.
Косясь – обилья знак –
на помидоров кляксы.

Зудящий пересверк
поляны, где кузнечик –
орёл и решка – вверх
себя монеткой мечет.

На медь березнячок
меняется, похоже...
И сквознячок насчёт
гусиной зябкой кожи...

ВЕЧЕРНИЙ БЕГ ТРУСЦОЙ

...Вычурно листья роняются клёнами
в лужи – с планирующими уклонами.

Слезоточивая в небе звезда
да магазинная здесь суета.

Сумерек тмутараканских флюиды.
Счастья наплывы, подмывы обиды.

Жаркие женские взоры, как знаки,
да улыбающиеся собаки.

Тщетные в стёклах киосков красотки.
Трусцою мелькающие кроссовки.

Хвоей светящаяся тропа...
По капле выдавливаю раба...

ПОМИНАЛЬНОЕ

1

...Как в пьесе: всё те же – кроме...
Спасибо, батяня, милый,
за гены да хромосомы,
за убийственную фамилию.

Спасибо за скорбный праздник.
За разгорячённые уши.
За первое – борщ украинский –
за второе из «ножек Буша».

За занятость населения
вот этих мужчин с похмелья,
под яблоней «семиренко»
куращих и ждущих смены.

Сделали бессеребренника
Чубайсы да Гайдары.
Всё в мире уравнивается:
памятник-то – халявный! *

* Участникам ВОВ военкомат ставит памятники безвозмездно.

Орут петухи классически,
и музыка – в стиле «техно».
Сейчас не в вине истина,
а в водке «палёной» этой.

В этих, рыдающих ржавчиной,
в углу – молотках, ножовках...
Тени, мною отбрасываемой,
так на тебя похожей...

2

...Время идёт, тикая
будильником старым, без дела...
В гробу не по росту, тихая,
готовая к выносу тела.

Руки примерно сложены.
Пёс нестерпимо воеет.
Я теперь – как положено –
в поле один воин.

Божья раба Лидия
и эта – сырая яма...
Что-то вроде открытия:
это ж моя мама...

Чтоб не омрачать, наверное,
праздника скорбной тенью,
умерла на второе – не первого –
не в день моего рожденья.

Всё снилось тебе навязчиво:
зовёт, мол, Иван Прокопич...
Прости, что рифмую на кладбище...
Твой нос у меня – похожий...

Уважаемые товарищи жильцы...
(Из объявления)

...Гордость маленькая есть –
прочитавши, вспомнишь:
– Уважаемый *жилец*
и квартиросъёмщик...

Личность вспомнили мою,
отключая воду.
Благодарную пою
службе ЖЭКа оду.

И хотя крошечный лес
жизнь моя и горечь,
я живой, коли «жилец»,
коли глянуть в корень.

Ах, квадраты-метражи
для спанья и танцев!
Здесь, куда ни покажи,
отпечатки пальцев

всё мои. Свет в окна, мил,
январём иль маем.
Я снимаю этот мир
или он снимает?..

Вы, похмельные мои
время и пространство –
для молитвы и любви
да опоминанья...

...Свет настольной лампы. Фет.
Всё течёт... И стены...
И присутствия эффект
от очков для чтенья...

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

...Расходилась, расплескалась, разметалась
жёлтая звезда-карлик факелами да протуберанцами...
Древнегреческий Гелиос.
Разлетелись плазменные ветры.
Засочились сквозь дырявую озоновую крышу...
Всосались, как пчёлы в мёд,
хоботками-телескопами астрономические обсерватории – сладко!
Захватались за сердце сердечники.
Зачертили «кривую» статистики.
Саранча запылила пожарами, пожирая...
Пляж... Ляжки... Не логос – фаллос.
Голова – из солнца, сини, зелени – как у насекомого.
Пришпорились пассионарии –
сапоги обмыть в Индийском океане.
Заборолись с удесятерённой силой
члены экстремистской организации «Хезбалла».
Маньяковы бездны разверзлись душевные.
Стадо сытых баранов понеслось к пропасти –
качественный скачок нужен, извив, вывих, иное измерение...
«Накрытые» футбольные фанаты
заскандировали отголосками третьего рейха.
Окна, балконные двери, быт – нараспашку, наизнанку – в мир.
Запахи кухни, звуки отупляющего рэпа по «репе».

Кожа жизни – земная поверхность,
непостижимая за запахами, блесками, красками
(поймёшь с *той* стороны)...

Липы зацвели в аллеях – скромницы с опущенными ресницами.
Луна-заместительница воцаряется на небесном престоле...
Завыть по-волчьи,
 впиться в ближнего по-упырьему атаквистически.

Куски электрического света –
куски нарезанного сливочного масла...
Похоть, жирная как свинья похоть, наваливается на город.
Зрелище луны – безупречно круглой, элегантной, истеричной...
Обглаживает душу как косточку.
Перекрестится, спрячется в тень служивый инок.
Мириады ночных мотыльков аномально летят на прожектора.
Снегом ложатся на железнодорожные полотна.
Бесполезнеют тормоза составов...
Гаснут «куски сливочного масла»,
 обращаясь в кубометры, секции,
 ячейки тягостной душной темени...

Запульсировали в танце молниеносные дискотеки...
Ах, прелестная телесность – ты объективна и проблематична!
(Дано мне тело, что мне делать с ним?)
Маета с нею. Соседка-слева выходит на балкон –
пожаловаться на духоту и скуку. В халатике-лепесточке...
Нижние соседи пьют водку, крутят музыку. Родители на даче.
Сверху – Маргарита Сергеевна пьёт валидол,
 колотит по батарее, сигнала.

«Левая» соседка курит – дым заворачивает к нам.
Ты приехала с моря. Обугленная. Белозубая,
будто с пряником во рту. Арапка.

Белая тень от плавок, как чайка во мраке.
Целую тебя всю – щёки как от арбуза.
Непонятно: мы ли говорим слова,
слова ли говорят нами – проводниками, рупорами.
Они уже были – до нас – эти слова – звуки –
соломинки для утопающих. И будут после.
Мы – временны, податливы,
проточны, по Гераклиту, прокатны.
Ибо и мы – время. Чувствуешь: как мы *идём*, истаивая?
О, человеческая мотыльковость!..
Не это ли считывается с луны как со скрижалей?
...Нервная, взвинченная...
Пьём её из бокалов на балконе, хмелея...
В горячем поту постигая друг друга.
Досужие сгустки солнечной энергии. Твари земные...
Природа, ты смотришь на себя и нашими зачарованными глазами!
...Пьют валидол сверху.
Пьют водку снизу, дурея. Входя в раж.
Живое должно двигаться, шевелиться,
избивать себя в прах в диком танце...

В.

1

...Ах, шальной, хмельной, слепой –
как июльский ливень –
криминальный праздник мой,
крем-брюле с малиной.
Я краду тебя, как тать –
губы, руки, плечи...
Сладко будет срок мотать
там, где муки вечны...

2

...Как нечисть, застигнутый хаос вещей –
крик петуха трекратный.
В вазе – бюстгальтер, соседствующий
с кисточкой виноградной.
Кегли бутылок да простыня
мятая – прочее... Он и она...

Он – зевающий пустотой.
Она – тиха, молчалива.
Утро шумит туалетной водой,
утробным гудением лифта...

Постсостоянье. День густопсов
делает жаворонков из сов.

Строгает – прессует – ставит на пост
да на попа – сажает
картошкой в мундире – сажает на пост
строгий – просто сажает.
Сначала лифчик, потом – лифт...
Поток сознания вял и тосклив.

Она – восстанавливающаяся
из пепла, как Феникс-птица.
В зеркальце смотрит, тараща глаза,
расправляя ресницы,
в брюках уже, ну а торсом – нагой...
В свете зари понедельниковой.

Он подошёл к ней, чтобы обнять,
ускользающую как будто.
Она: – Ты мешаешь мне... И опять –
формы требуют будни.
Как цветут, свободные от оков,
наплевательские малинки сосков!..

Лене Рудик

...Господа прокуроры, ваши речи – что жала.
Строги указующие персты.
Никого не казнила, никого не сажала.
Разве только на даче цветы.

Да еще помидоры, притом – «бычье сердце».
Да сопливых ребят на горшки.
А грустящие по медвежатникам сейфы
как-то мимо прошли.

Господа прокуроры неподкупного вида,
любясь вами, заявляю как МИД:
имеет финансовая пирамида,
ею не построенная, разочарованный вид.

Перед этой пирамидальной ямой
повеселимся: похоронена там
прорва деньжищ и обманутых ожиданий
прокурорских – ко всем чертям!

Господа любители лапанья и шмона,
в раже служебном да наглеце,
вы шарите ниже пояса, а оно
все написано на лице.

Господам обвинителям и прокурорам,
ностальгирующим на сей предмет,
от детских горшков, от больших помидоров,
от не зарекающихся – привет, привет!..

...Bonjour, ma chere. Живу в своём углу
медвежьем, развлекаюсь, как могу:
игрою, вышиванием, причёскою
a la Ninon. Спасибо за кадриль –
charmant, charmant! – из «Цампы» этой, иль
читаю... Кстати, «Красное и чёрное».

А то одна гуляю до пруда.
Сейчас, мой ангел, делом занята –
пишу тебе письмо – весьма приятным.
Тит, дурень, тащит за рога козла.
Mersi, Параша блонды привезла,
Петр Николаич приучил себя к пиявкам.

По вечерам сидим накоротке –
petit (у фортепьяно) comite:
Мишель – кузен (влюблён в меня), Путяты –
соседи... Разучили, например,
намедни «Стансы»... Как там наш premier
с своею Nathalie femme – женатый?

Кокетка, говорят, коли не б...
Пришли мне, душка, к именинам шляп...

СВЕТ ЕСТЬ...

...Ещё осинник пуст, как новая квартира
с окнами на солнечный полдень.
Лист, мятый, сдержанный почкой,
токо-токо разлепляется в пространство.
А прошлогодний, попраный,
по-джинсовому линиял и вытерт...
Передовая узорчатая зелень чистотела.
Ритмические *перегонки* ландышевых стрелок...
Ступаешь чуть впереди.
Волосы отливают гальванической медью.
Пальто балахоном делает походку колокольной.
Поджидаешь меня, обратив к идеальному небу
зимнее, городское, трогательное,
беспощадно освещённое лицо...
Напитываемся солнцем как солнечные батареи.
Какие-то такие же поверхностные,
как солнечный свет, слова...
Смотрю на тебя – как на ускользящее,
неуловимое по сути, подобно солнечному блику, чудо.
Бабочка-лимонница
непредсказуемым восторженным зигзагом
пролетает между нами,
как между Сциллой и Харибдой...

Л.

...Подножный камень целится в висок,
о темени мечтается сосульке...
О Боже, человеческие судьбы –
нить Парки, паутинка, волосок...

В Путь Млечный запрокинься, одинок,
молитвенно – на грани слёз и сути.
Созвездия – убийственные судьи
над мыслящей тростинкою у ног...

Когда ты в парке подступаешь вплоть,
в улыбку встречную твою, в живую плоть
впиваючись, спасительные словно,
и бдительность теряя как дитя,
я забываю, что из рук тебя
выхватывает время хладнокровно...

ВСЕ БАБЫ СТЕРВЫ

...Хорошо поддатый механик СРЗ
вразумляет меня (оказались на одной скамеечке в парке),
восемнадцатилетнего, высокопарного, высокомерного:
– Все бабы – стервы...
Птица феникс, возрождённая из пепла зимы – весна!
Как после ремонта: запахи белой акации,
свежелакированных тополей, женских духов...
Флюиды, эманации, эволюции
(мечтаю о философском факультете)...
Жду свидания с *девушкой!*
Она не мусорит словами типа «завал»,
не ржёт как сивая лошадь на каждом шагу.
Дело дошло до титечек-сисечек.
Розовеньких, как ротики котят.
Целую их в укромном уголке,
коснея и дрожа, до ломоты в паху.
А утром – опаздываю на работу.
Она придёт. Моя *монада*.
Шпилечки – цок-цок-царап по дорожке...
– Почему же непременно стервы? –
впрошаю скорее для блезиру, рассеянно, по инерции...
Звёздочка первой величины – как запятая.
Вторая, третья – как первые аплодисменты в зале,
переходящие в бурные продолжительные овации...

Механик, как заржавленный,
поворачивает плешивую голову,
растопыривается как на недоумка.
– Все бабы – стервы... – брызжет слюною.
Сникает – жалкий.
– Почему бабы – стервы, объясни толком, механик!
...Придёт, пританцует – надушенная.
Удивительно явная, конкретная, *живая*...
Как-то так неуловимо устроенная, составленная...
Ах, рук не хватает, чтобы понять,
постигнуть сию эмпирику!
Распущу павлиньи перья как гармонику.
Подтянусь по-джигитьему,
подберусь по-тореадорьему,
засвищу по-соловьиному...
Да всё о высоких материях!
Улетим на луну – там время тягуче-медово.
Открою новые родинки,
как неведомые острова, земли, Америки
Христофор Колумб –
за горизонтами застёжечек, резиночек, крючечечков...
– Спишь, механик?!.

МОЛЧАНИЕ КАМНЯ

...Твёрдость – и точка (клятва, молитва).
Оспина памяти – оттиск моллюска.

Камень лежач. Ах, Сизиф – ты дурило.
Право да лево чтоб ориентиры.

Чтоб, как от печки, плясало, парило
всё – на четыре стороны мира!

Бабочки солнечное порханье –
словно сердечная кардиограмма.

...Камня терпенье – слёзная мина
звёздочки первой в ультрамарине...

... Словно псарня какая – чешет город собак.
У бордюров прибой бьётся пенный.
Мягко стелет, юля и ленясь... И в зубах
вязнет скукой дворовой, вселенской...

Наше время горит... И ласкает нас, чад
божих, уличных, тычется – пепел и чад,
день и ночь, выпадая в осадок,
обтекаючи – горек да сладок...

Гераклитовой неповторимой рекой.
Оторвись от страниц в тополя, как слепой,
расслабляясь – зевака, разиня, –
кто-то тянет и тянет резину...

Или руки ломает, метельно мечась,
ах, сейчас, вспоминая тоскливо, сейчас...
Вот сейчас... И обратно – с размаха...
И где эта зарыта собака...

Поскорее на стрежень, на ветер-сквозняк,
там где автомобили, как свора собак.
Огрызаясь, срывается свора,
как с цепи вдруг, на «фас» светофора...

Алексею В. Алексееву

...Не разбойник и не тать,
но секите, оперы, –
Лёшу надобно пытаться
арией из оперы.

Чтобы нараспашку слух
и глаза открытые
на заламыванье рук
да контральты сытые.

Не чапаевский носок,
сапоги испанские,
а Чайковский – самый сок.
«Тоски» эти разные...

...Расцвелась в аллеях липа,
застигаючи врасплох.
Ах, не врака и не липа
жизнь на нюх, на выдох-вздох...
Заключается счастливо
что-то в этом роде, типа –
иль подводится черта –
в голове хмельного типа.
Непонятно ни черта...
Ускользает что-то ловко,
как из рук формулировка,
женщина – волною вспять –
из объятий – в каблучочки,
пуговицы да крючочки,
в кофту, юбочку опять...
После праздничного смеха –
грустный призрак эха, эха...
Время, время – о, палач!..
Восвояся включишь Баха –
ах, на что я убабахо
жизнь свою... Не плачь, не плачь...

...Не украшеньё, польза или толк:
как часики, когда тихи колёсики,
в моём углу приколотый листок –
мгновеньё остановленное осени.

Печали кроха в море белизны
черёмуховой – ржавая заплаточка.
В счастливые замешиваясь сны,
рыдается и безутешно плачется...

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

...Ах, судьбинушка русская
да рябинушка горькая...
Коли ложе – прокрустово,
коли место – то лобное...

2

...Опять стригут газон жилеты
оранжевые и – жива,
как лотерейные билеты
неотыгравшие – листва...

3

...Государству – омон.
А омонов сон – шмон.
Олигарх: человеки,
поднимите мне веки...

4

...Ещё балует нас сентябрьский зной
кузнечиковый. Но леса и парки
уже кишат прощальной желтизной,
и паутинки – наши нити Парки...

5

...Зарыться как страус
башкою в песок...
Торжественный траур
базара цветов...

М. О.

..Эти карки воронья
похоронные...
Седина цветёт моя,
что черёмухи.

Листьев опадает мёд
до последнего...
Седина моя цветёт
всё сиренями.

Эх, за упокой ветра
вой заладили!..
Седина белым-бела,
словно ландыши...

(из дневника И. А. Б.)

...Очень скоро пойдёт без меня
этот мир оголтелый и нищий...
Облака над горами за Ниццей
так же розами цвествь от огня
предзакатного будут бессмертно...
И левкой стоять на столе...
...Сон: ограда... церквушка... во мгле
выбираю могильное место...
И холодный блесит Орион
синим-синим бессмертным огнём...
Всё исчезнет: ум, чувства и плоть...
Быть не может!.. Помилуй, Господь...

ВЕСЁЛЫЙ ФОТОГРАФ

Владимиру Мисюку

... – Улыбаться, улыбаться веселей!
Ах, улыбка – это знамя кораблей.

Эй, товарищ, вы испортите мне кадр
настроением своим – ну что за кадр...

– Улыбаться! Без улыбки птички мрут.
Всё о кей! Вы безнадёжно мрачный фрукт.

Вы убийца птичек, гражданин.
Только солнце, красота, аквамарин...

– Улыбаться! Грусть – за кадром, за горой...
По-геройски улыбается герой.

С папироской эпохальной да дымком –
остальное за альбомом, за бугром...

Улыбаются на фоне – самый сок –
стен, простынок, да неструганых досок

гимнастёрочки, фуфайки, свитера –
да во что бы то ни стало, на ура...

Счастлив чубчик кучерявый да гармонь...
Ах, возьми тебя, фотограф, угомон!

...Времена иные на коне –
конкурентно улыбаются оне...

УТРЕННИЙ ПОТОК СОЗНАНИЯ

...Всё примелькалось: годы и погоды...
Ах, благодарно втиснуться в автобус
и сплющено дремать, кемарить, грезить...
Судьбы везущие и прочьи механизмы.
Как вышло – занимаешь этот данный
объём вселенского пространства в виде тела
и биографии, и члена профсоюза.
Стоячее посадочное место...
Потребовался в мироздании технолог –
оформили в твоём лице конкретном.
Расположение звезд: раз – и родился.
Закончил институт. Оформился в отделе...
Везут – *везунчик*. По орбите солнца
и по дороге к проходной.
Пока не *деформируешься* в старость.
На пенсию отправишься с почётом...
Гул двигателя колыбельно нянчит.
И смысл какой-то брезжится сокрытый.
Дразнящий, задирающий, глубинный...
как будто праздник, спрятанный до срока.
Забывтый сон из прежних инкарнаций.
Иль анекдот. Но не хватает
последнего усилия для разгадки.
Жизнь – бесконечное тупое отвлечение...

Ах, да – жена капусты наказала
купить после работы и картошки...
Какая-то навязчивая нота
саднящая и радужная радость...
В табуляграмме галочку поставят.
Танюшка чай поставит как обычно.
Подчёркнутая вся такая, право...
Зароешься в бумагах и цифирьках.
Самозабвенно, с головой и выше.
И возразишь по существу: – Я понимаю.
Я понимаю, но не подпишу.
Пойдите и пересчитайте снова.
Я понимаю. Понимаю. Понимаю...
Из циферек из стройных весь и формул.
Соришь цифирьками как сигаретным пеплом.
Костюм – из циферек надёжных как кольчужка.
Очки-нолики... – Пересчитайте,
элементарно ведь... Бряк-бряк по клавишам,
и бряк... Другое дело...
Ах, место красит человека и ваяет.
Животики, начальственные бровки...
Я понимаю, понимаю, понимаю...
Идите и пересчитайте снова...
Глядь, глядь на часики –
идут минуты, годы...
Глядь за окно – а там природа в виде:
морозного замедленного солнца
и пифагоровых сверкающих цифирек,
колюче выпадающих в осадок...

1993 г.

С.

1

...Вездесущее мельканье – там и тут –
это волосы по городу идут.
Вызывающе парящий дельтаплан,
змей воздушный – в такт с плащом... Как наркоман,
их люблю вдыхать – я ими пьян...
Будто сено деревенское, вино...
И под ними, кроме них – всего полно...

2

...Оптимистические жесты
капли целый день по жести...
Почёсывать за ухом пса
да гладить женщину по шерсти...
Глядят в окно похорошевши
и выстраданно небеса.
Как говорят французы: шерше
ля фам. Я голосую за....

...А когда покажется жизнь что мёд,
вдруг смерть ощерившаяся придёт.
Повлекут под рученьки не кенты,
а два демона лютые, как менты
в вырезвитель – ад, а не райский сад.
Железом подшпынивая под зад.
На последний суд в Судный час да день...
Пейте кровушку мою – кому не лень!
Очи демонов – огненные круги.
Дубинки, наручники да крюки
слезоточивые всё... Прикинь,
до чего был охочий – собачий сын.
Отвечай таперича – сама тишь –
что стоишь-глядишь-плохо выглядишь?
Всё б тебе, вольному, мёд да гульба...
Подвела тебя раскатанная губа...

...Холостяцкий разбитной дизайн.
Телефон молчит как партизан.

И куда-то тело это надо деть.
Да, лежать, конечно, лучше, чем сидеть.

Уши слышат, вопрошает взгляд.
Хоть какая б позвонила б...!

Ночью просыпаешься – одна
бесполезная таращится луна.

А когда-то рядом женщина была –
словно груша спелая спала,

как ракушка, с семенем твоим...
И не страшно было вам двоим.

...Как прекрасен этот мир – вопит попса.
Прогулять пойти себя по улице, как пса...

1

...Чихвостит ветер в хвост и в гриву
цепного пса, домашних кур.
Сирени – так и эдак – криво –
как плоть без кожи. Грозный гул.
Мгновения холодной ряби,
как от протектора, по глади.
Дом занавесками вразлад
выбрасывает белый флаг...

2

Сад так тоскливо шумел...
Иннокентий Анненский

...Луна – что око со слезой.
Шипенье, блеск сухой и злой
матёрых листьев, как прибор.

Шампанских закипанье крон.
Шатание, рывок, наклон...
Шопен и фортепьянный гон.

Чтоб вновь с нуля: монетный звон
сквозь загребущую ладонь.
Ах, жил вытягиванье, стон...

Смятение Помпей – людей
да обезумевших зверей...
В потёмках рвущихся корней.

По горло, по глаза и за...
Озноб луны. Дрожа, скользя,
стоит навывкате слеза...

3

...Нам однажды даётся в мире,
словно жизнь и душа, отчий дом.
Остальное уже квартира
с расположенным санузелом.

Моё прошлое одноэтажно.
Там безоблачно всё, легко.
Там от яблони яблоко также
не укатывается далеко...

...Наши зубы из стали – не ржавеет она.
И кремлёвская скалится, словно челюсть, стена.

Жизнь не Ницца по Ницше – пожирания хруст.
Так накачивай мышцы да выпячивай грудь.

Пусть взирает, повесив на себя всех собак,
из высот своих крестных самый главный слабак...

...Нас сравнивает жизнь с землёй –
как город снегопад слепой.
И нечем крыть... Вострите лыжи...
Сойти на нет... В очередной
запой ушел товарищ мой...
До плитуса и ниже, ниже...

А впрочем, есть чем крыть – ура! –
лопаты да бульдозера...
...К бесам, чертям собачьим, ляду...
Снежка запущенного свист.
Эх, тоже мне, специалист
по снисходительному взгляду.

Ах, снег не вата, а – набат!
Налепим белоснежных баб –
нам есть чем крыть да залупаться.
...Вне зоны действия сети,
сознания... Господи, прости...
Стоять – как Эйфелева башня!

Тонуть в объятых красоты...
Как плюсы-минусы – кресты
кладбищенские. ...Ставить точку –
в дымину, стельку, хлам, – слезясь...
Как за соломинку держась –
за женщину, ребёнка, строчку...

...Над чёрным полем чернь ворон
крикливо носит свет закатный.
Ах, сумерками, как загадкой,
охвачен мир со всех сторон.
С плакучей точечкой звезды...
Остолбенеешь, глядя в оба,
и выпрямляются черты
дневной изогнутые злобой...

ГРАНЬ

...О, моря камень-самоцвет!
Фома неверный, на предмет
удостовериться что жидкость,
тарацишься – такая дикость...
Прекрасно – оглянись, замри –
быть на поверхности земли
сиюминутно-насекомо,
хотя б плевком тяжмашапрома.
Здесь шашлыки, собрание поп,
и море – вот оно, и поп-
песенка... Вдруг вопль: – Утоп!
Утоп!.. Вскочили – на магнит
так реагируют опилки.
Оказывается – опился
портвейну бесшабашный тип,
чувак, а попросту – мужик.
Спасатели на лодке – вжик,
нырь-нырь, и вытащили тело
на берег к нам, и ну за дело,
за дело воскрешенья: раз –
и пауза – и два... Массаж...
Мы, как болельщики, вокруг –
(оле, оле!) чью давят грудь,
и взгляд потерянный вовнутрь...

Что видится там, человеке?
Толпимся около – как вече.
Ритм правит миром: раз и два...
Сначала дрогнули едва
глазные яблоки победно,
и взгляд, как пузыри из бездны,
взошёл... И первые слова
(гол! го-ол!) пришедшего... отколе?..
такие пишут в протоколе...

А вопиющий тот туннель
с немисливо счастливой болью,
с всепоглощающей любовью?
Прощай, земная канитель!
Звенещий, лучезарный тот –
прочь-прочь – рыдающий полет?
Сквозь слёзы, время и пространство?
Полёт, как месть, полёт изнанка?
От тяжести да муки мира...
...О боже, как здесь мило, мило...

МАРШ УРОДОВ

...Единством сильна наша гордая рать!
И если горбатой породы
воронами белыми не обелять –
красавцы мы, а не уроды.

Порода уродов по роду горда.
Мы созданы, чтобы гордиться,
годиться при помощи гордой горба,
а ежели без – не годиться.

Равнень на горб! Без задоринки строй.
Да здравствует дружба ношенья
родного горба... Это кто там? Постой –
проверим путём наложенья...

*Если б не был бы я поэтом,
То, наверное, был бы мошенник и вор...*

Сергей Есенин

...Совпасть с самим собой,
задуманным судьбой,
созвездиями, Богом –
или сторонкой, боком.

Ни чёрту кочерга,
ни Богу свечка ибо...
Кому сказать спасибо
за это ни черта?

Что проскочил – виват –
ни в чём не виноват...
О, где ты, мой другой,
чтобы совпасть с собой?..

РОМАНС

Валерию Шемякину

...Опять не то, верней – не та.
Прости-прощай. Целую руки.
Зачем мне эта маета
да агасферовые муки.

Тебя единственную я
ищу, скорбя, в людской лавине,
камбаловидная моя
невстреченная половина.

Ах, пересечься да совпасть
до потрохов в счастливой точке,
чтоб раствориться и пропасть...
Так не бывает в жизни – точно.

Узнай меня по седине
усталой. Всё – увы – проходит.
Ах, повстречайся хоть во сне,
в другой ли жизни да весне...
Строги глаза у богородиц...

...Люблю терять любимых женщин –
так эта гибельность сладка –
под закипанье глаз и жженье
под ложечкою холодка.

Ты в этом мире неуместный –
выводит времени рука...
Что мне маячится в отместку
из темени наверняка?..

Жаннете

...Махровые гортензии цвели
в цвет купороса в дачной той щели.
Рукой подать переливалось море
шампанское, шуруша щебёнкой. Весь
реликт советский ВЦСПС,
дышал на ладан чахлый санаторий

с колоннами имперскими. Они
каким-то боком были мне сродни
минорные – а ля «Memento mori»...
Хотел пожить в какой-нибудь дыре
недельку. И нашёл: Гызель-Дере
то место называлось... О, море!

Купанием разменяно оно.
Ах, оспинка – на золоте клеймо –
девахи загорелой. Пялюсь тупо,
старатель, добывающий загар,
в волну изогнутую – как дикарь –
на ноги свои бледные что в лупу.

Плевков тяжмашапрома. Да к тому ж старорежимный. Также бывший муж. Осколок, дребезг рухнувшей Эллады – и этот блеск поверхностный утех... Как тяжко мертвецу средь дискотек!.. Короче, было худо и неладно.

Забиться в щель – мамлеевский упырь – и оглядеться, померить пыл, кося под мужичонку: сумка, джинсы... И видеть зреньем странным между тем, сквозь пиришествво нагое – как рентген сквозь плоть – скелеты, черепа, глазницы...

Жизнь задирала, праздником маня, и отторгая... Не было меня. Лишь слух и зренье оставались. Пела и день и ночь индустриальная попса всё о любви, любви на голоса по радио – в чужом пиру похмелье.

Душа жива, как душу ни души!
Забился в щель, дыру – чтоб ни души.
В комерку из досок – точнее если – с дешёвыми обоями. Открыл, что всё ж не только слух и зренье был, поскольку занималось койко-место.

Но около и сам не стань. Пошла
жизнь по-курортному – растительно пошла.
И ничего, казалось, не касалось
меня – небрежно ел, купался, спал.
Плюс Гая Транквилла Светония читал –
ещё поверхностнее всё казалось.

Но с миром стала утверждаться связь –
так сходят с карусели, возвратясь
на землю, обретя ориентиры.
Будили громы-молнии грозы,
а на рассвете чёрные дрозды
на крыше затевали, заводили...

Как ливень, слух лелея, сладко пел!
И тёмный дуб склонялся и шумел.
Не отставала дикая черешня
со спелой чёрной ягодой. Кусты
гортензий бледных рвал из темноты
блеск молнии по-воровски поспешно...

А поутру всё устремлялось ввысь –
как души, завивались и рвались
туманы и пары в небесной тяге
навстречу солнцу. Птицы, люди. Те ж,
железом покрывавшие коттедж
да отдохнувшим матом, работяги.

Мы выбирались заспанно на свет.
И оказалось так, что я – сосед,
как в поезде – взаимные соседи:
молодожёнов парочка. Шахтёр
с племянницей – за коей взор да взор, –
и с отроком – как сообщили – леди.

Под хихоньки да хаханьки – чай
поспешные – в ознобе, дрожи – и
с матрацами надутыми – на службу.
За исключением: шахтёр из Апатит –
7, 8 градусное пиво «Пит».
А солнце – кратковременные лужи.

Вниз – по тропе. Через висячий мост
в аллею – победитель, а не гость –
сквозь арку эпохальную с гербами
(супружница колонн) – рельс плотно
с мазутной жаркой скукой, и – оно:
рабочими зелёными горбами.

Я шёл налево – к старым плитам – блажь, –
а не направо, где культурный пляж, –
подперчивать, горчить уединенье.
Жизнь – солнечная плёночка земли.
И мысли – музыкой возвышенной текли –
смесь умаления да умиленья...

Коктейль вина, вины...Тоскливый круг...
Роль «куры-гриль» надоедала вдруг,
я возвращался в уютное жилище,
где пиво «Пит» шахтёр из Апатит
из *ваучера* пил – народный хит –
и обнимал как плюшевого мишку.

И мы беседовали с ним о том о сём
в беседке виноградной шалашом,
как водится – о жизни и зарплатах...
Как резюме – сводился разговор:
что ловок и находчив он, шахтёр,
какой он молодец и рыцарь в латах.

И дольше века продолжался день.
Лицо от зноя превращалось в мордень,
и в сонь и лень... И скрежетала жутко
цикада на акации. И в лоск
природа хищно поглощала мозг –
цивилизацию индейцев джунгли.

...Как искупление – вечер и луна...
Из города приехала *она*
(ищите женщину!) с подростком сыном.
Как написал поэт любимый мой:
увидишь раз, и – что-то с головой...
И помнишь вечно взор невыразимый.

Мы собирались как одна семья
под лампочкой. И любовался я
украдкой, за вином простым, повадке
насмешливой уверенности, мол,
любуйся, что ж, коли на женский пол,
мужчины вы, так тривиально падки.

Курила элегантно женский вздор.
Опомнился, как от трубы, шахтёр,
хватаюсь племянницы испуганно и немо...
Я в темень уходил, где светлячки –
безумной леди Макбет свечка... И
кружила голова ночное небо...

СОДЕРЖАНИЕ:

«...Всё больше молчанья да зренья...».....	3
«...Мог жизнь просвистать скворцом – пьян и сыт...».....	4
«...В компании собственной тени...».....	6
«...Мой лирический герой...».....	7
«...Ещё не свистнул рак...».....	9
ВЕЧЕРНИЙ БЕГ ТРУСЦОЙ.....	10
ПОМИНАЛЬНОЕ	
1. «...Как в пьесе: всё те же, кроме...».....	11
2. «...Время идёт, тикая...».....	12
«...Гордость маленькая есть...».....	14
ТУРБУЛЕНТНОСТЬ.....	16
1. «...Ах, шальной, хмельной, слепой...».....	19
2. «...Как нечисть, застигнутый хаос вещей...».....	19
«...Господа прокуроры, ваши речи что жало...».....	21
«...Вонжоуг,та шерг. Живу в своём углу...».....	23
СВЕТ ЕСТЬ.....	24
«...Подножный камень целится в висок...».....	25
ВСЕ БАБЫ СТЕРВЫ.....	26
МОЛЧАНИЕ КАМНЯ.....	28
«...Словно псарня какая – чешет город собак...».....	29
«...Не разбойник и не тать...».....	30
«...Расцвелась в аллеях липа...».....	31

«... Не украшение, польза или толк...».....	32
Четверостишия.....	33
«... Эти карки воронья...».....	35
«... Очень скоро пойдёт без меня...».....	36
ВЕСЁЛЫЙ ФОТОГРАФ.....	37
УТРЕННИЙ ПОТОК СОЗНАНИЯ.....	39
1. «... Вездесущее мельканье – там и тут...».....	41
2. «Оптимистические жесты...».....	41
«... А когда покажется жизнь что мёд...».....	42
«... Холостяцкий разбитой дизайн...».....	43
1. «... Чихвостит ветер в хвост и в гриву...».....	44
2. «... Луна – что око со слезой...».....	44
3. «... Нам однажды даётся в мире...».....	45
«... Наши зубы из стали – не ржавеет она...».....	46
«... Нас сравнивает жизнь с землёй...».....	47
«... Над ч ёрным полем чернь ворон...».....	49
ГРАНЬ.....	50
МАРШ УРОДОВ.....	52
«... Совпасть с самим собой...».....	53
РОМАНС.....	54
«... Люблю терять любимых женщин...».....	55
«... Махровые гортензии цвели...».....	56

Литературное агентство В. Смирнова. Тольятти 2010
ИД № 00092 от 27.08.99.

Стрелец Виктор Иванович

МОЛЧАНИЕ КАМНЯ

Дизайн, верстка, макет **В. Мисюк**
Отпечатано в Димитровградской
типографии, ул. Юнг Северного флота, 107.
Заказ №

Подписано в печать 18.03.2010.

Формат 60x84/16.

Бумага типографская.

Гарнитура "Peterburg".

Печать офсетная. Объем печ. л. – 4.

Тираж 200 экз. Цена договорная.